Я разговаривал с Ататюрком

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 23 января, 2025
Я разговаривал с Ататюрком Я РАЗГОВАРИВАЛ С АТАТЮРКОМ [1]

С тех пор прошло двадцать лет. Нас было человек двести, двести молодых лейтенантов.
Как и каждое утро, в старой казарме военной школы в Мачке стоял галдеж двухсот молодых глоток.
И вдруг все смолкло. Воцарилась небывалая, неслыханная тишина. Казалось, даже часы остановились.
— Что случилось?
— Что происходит? Пробежал встревоженный шепот:
— Умер Ататюрк…
Звуки, взгляды, чувства, время, земля — все застыло.
— Надеть парадную форму! — отдает команду капитан Чийдемоглу. — Два наших курсанта идут во дворец Долмабахче часовыми у гроба Ататюрка.
Моя очередь заступить на почетный пост — после полуночи. Впереди капитан, сзади мы — два лейтенанта. Полчаса неподвижно стоим мы у гроба Ататюрка. Свет факелов освещает его лицо, вспыхивает огнем на сабле капитана. Мы застыли не на страже праха Ататюрка, мы охраняем Революцию. Ататюрк — значит Революция. Он оставил нам ее завоевания и спит так спокойно, потому что уверен в нас. Пламя факелов то возгорается, то угасает на стали сабли.

* * *

Прошло двадцать лет. Ком горя, который сковал тогда мое горло, слезы, которые застыли тогда в моих глазах, вчера разразились рыданиями… Я вновь стоял перед Ататюрком.
Я возвратился к 10 ноября 1938 года. Но разве сейчас я в карауле? Мы в карауле? Где те завоевания, на страже которых мы стояли?
Туман, обволакивающий меня, сгущается и чернеет. Даже в свете

факелов я ничего не вижу.
— Отец, я не вижу тебя… — произнес я.
— Если вы понимаете и разделяете мои взгляды, мои мысли — это уже важно, — прозвучал в моих ушах голос. Его голос.
— Понимаем, отец, но мы не можем высказать их.
— Если мы убеждены, что делаем по совести и наши слова не расходятся с делом, то должны открыто, ясно, без колебаний и неопределенностей, говорить об этом.
— Мы верим в свою правоту. Но боимся. Мы, интеллигенты, стали боязливыми, всего боимся.
— Не бойтесь говорить правду!..
— Но мы боимся правды… Поэтому давно прибегаем к обману, вводим себя в заблуждение.
— И оценивая положение, и принимая решения, мы должны без страха смотреть правде в глаза, хотя она и горька. У нас нет нужды обманывать себя и друг друга.
— Правда у нас существует только в определенной форме. На тех же, кто думает иначе, не так, как принято, смотрят с подозрением.
— Каждая личность должна сама осознать, что нужно для всей нации.
— Дайте нам совет, из чего следует исходить, решая проблемы, стоящие перед страной?
— Нужно рассматривать проблемы не в связи со случайными событиями, а заглядывать в их сущность.
— А если нам не дают выразить свои мысли по этому поводу?
— Нельзя подавить мысль принуждением и силой, пушками и винтовками.
— Но для этого прежде всего нужна свобода печати.
— Печать — голос нации. Печать является независимой силой, школой, руководителем; она дает необходимую идейную пищу, просвещает и указывает нации, в каком направлении должно идти ее развитие, короче говоря, — она прокладывает ей путь к счастью.
— Мы прилагаем большие усилия, чтобы освободиться от клейма «слаборазвитая нация», однако усилия наши бесплодны.
— Реформы, направленные на удовлетворение только неотложных

потребностей нации, — недальновидны и решают частные вопросы, но не главные.
— А какая программа была у вас?
— Народ, крестьяне подсказали мне рабочую программу: дороги и школы.
— Отец, почти семьдесят процентов турецкого народа неграмотно.
— Подумайте, как низок процент грамотности нашего социального коллектива. А основной элемент нашего общества — крестьянин — неграмотен. Это позор. Позор для всех, кто считает себя человеком, позор для нашей нации. Но мы избавимся от этого позора. Надо, чтобы каждый гражданин принял участие в исправлении этой ошибки.
— У нас мало школ. Учителя задыхаются от нужды. Их не хватает, и школы закрываются.
— Обучение в школах нужно передать в надежные руки, а чтобы обеспечить воспитание знающими и уважаемыми учителями, которые считают обучение детей нашей страны своим делом, своим долгом, следует поднять на должную высоту профессию учителя и дать ему достаток, как и людям других почетных профессий.
— Какой должна быть система нашего просвещения?
— Подлинным хозяином страны и основным элементом нашего общества является крестьянин, тот самый крестьянин, которому до сегодняшнего дня был закрыт путь к знаниям. Поэтому в основе нашей политики просвещения лежит уничтожение невежества. Достижение этой цели составит священный этап в истории нашего просвещения.
— Реакционеры день ото дня расширяют свою деятельность. По рукам ходят издания, публикация которых в ваши дни была запрещена.
— Во время динамичного революционного натиска сторонники старого правопорядка вынуждены укрываться, но как только их влияние начинает ослабевать, они сразу, же активизируются и выжидают случая, чтобы осудить основы революции, ее лучшие устремления и священные идеалы.
— Политические деятели в погоне за голосами избирателей все чаще и чаще делают уступки реакционерам. Нам, отец, это причиняет адскую боль.

— Те, которые охраняют реакционные мысли, полагают, что они опираются на определенный класс, однако это — игра воображения. Мы сметем тех, кто хочет преградить путь нашему прогрессу, и пойдем дальше. Мы не собираемся останавливаться на пути обновления. Мир стремительно движется вперед. Разве можем мы стоять в стороне от этого движения?
— Нет, не можем. Некоторые политики говорят, что «демократия — это желание большинства», и, играя на этом, они подстрекают массы, около семидесяти процентов которых неграмотны, на реакционные выступления, и таким образом подтачивают силы революции.
— Ни одна настоящая революция не может быть совершена одним решением большинства, без тех, кто видит истину.
Нельзя проводить плебисциты среди масс, еще связанных азиатскими догмами покорностей и привычками, масс, которые могут подпасть под влияние монополистических сил, много обещающих, но вынашивающих коварные замыслы.
— Что мы должны сделать для улучшения жизни тех, кого ты, отец, назвал «основным элементом общества» — наших крестьян?
— Прежде всего, в стране не должно быть безземельных крестьян. Нужно ограничить наделы крупных землевладельцев и распределить земельные участки среди бедняков в соответствии с плотностью населения того или иного края страны, в зависимости от степени плодородия земли.
— Отец, что нам необходимо, чтобы поднять Турцию до уровня современных, передовых наций? Иностранный капитал? Обучение нашей молодежи в странах Европы или привлечение иностранных специалистов?
— Можно сказать, что мы ни в чем не нуждаемся. Нам не хватает только одного: трудолюбия!.. Если мы исследуем наши социальные беды, то не обнаружим более тяжкого недуга. И первое, что мы должны сделать, это избавиться от этого недуга. Надо привить нации трудолюбие. Достаток, счастье — право только тех, кто трудится.
— Отец с кем и с чем связать нам наши надежды?
— Есть два Мустафы Кемаля. Один — это я, смертный Мустафа Кемаль; другой тот, который как идеал живет в нации,

представителем которой я являюсь. Хотя я и появлялся на общественной арене в момент, когда страна была в опасности, меня родила турецкая мать. Разве турецкие матери теперь не родят таких же Кемалей? Знайте, успех принадлежит нации, а не мне. И надежды надо возлагать на свои силы.

* * *

Погасли факелы. Все кругом померкло. Рыдания, которые двадцать лет назад сковали мне горло, которые застыли в моих глазах, разразились.

---

[1] Приведенные здесь слова Ататюрка написаны и высказаны им лично. — Прим. автора. Satiriki hekaýalar